

Народные названия растений Беларуси в записях Э. Ожешко

Ключевые слова: народные говоры, названия растений, номинативные эквиваленты, логики наименований, сопоставительный анализ.

В статье раскрываются особенности народных названий лекарственных растений, записанных известной польской писательницей, Э. Ожешко, в западных районах современной территории Беларуси. Приводятся номинативные эквиваленты этих растений в белорусском, русском и польском языках. В результате проведенного анализа делается вывод о возможных логических основаниях возникновения народных названий и отражении в них особенностей белорусского языка.

На протяжении тысячелетий люди накапливали знания об окружающем растительном мире, познавали возможности их использования в быту, давали им названия, в основе которых лежали, как правило, замеченные людьми особенности этих растений, их внешние либо внутренние свойства. Изучая сегодня эти названия, мы как бы прокручиваем в обратном порядке историю формирования и развития мировоззрения и миропонимания людей. С другой стороны, изучение таких названий в сопоставительном плане дает сегодняшнему исследователю более глубокое понимание истоков и причин общности и специфичности исторических лингвистических и этнографических процессов, сформировавших современные языки. Именно по этой причине язык является основным и универсальным средством познания среды, в которой в разные эпохи обитал человек, и самого человека.

В одном из своих произведений «Ludzie i kwiaty nad Niemnem» [1] известная польская писательница, Э. Ожешко, описывая нравы и быт белорусского крестьянства в середине XIX века, отмечает удивительную, на ее взгляд, вещь: большинство людей, с которыми она встречалась в своих экспедициях, не умевшие ни писать, ни читать, очень хорошо знали огромное количество названий различных растений, произрастающих в их краях (северо-запад современной Беларуси – Л. В.). Они могли подробно и с увлечением рассказывать о свойствах этих растений, когда и как их можно применять в лечебных целях. «Сидя за столом, усыпанным принесенными цветами, – пишет Э. Ожешко, – Марыся Карасёва с удовольствием пьет чай и четко рассказывает, где и как используется то или иное растение» [4, 691]. (Здесь и далее в тексте перевод с польского наш – Л. В.). В 1887 году в письме к приятелю Яну Карловичу, главному редактору журнала «Висла», Э. Ожешко вспоминает: "Я занималась очень живо и с большим интересом миром растений, их классификацией, преследуя цель познания взаимоотношения людей с окружающей их природой. Моя мечта – подготовить в следующем году для какого-нибудь этнографического сборника словник лекарственных растений местной флоры, имея ввиду две задачи: ботаническую и народоведческую, или отношение людей к растительному миру..." [2].

Интерес Э. Ожешко к этнографии и народному языку на территории современной Беларуси – характерная особенность середины XIX века. Это время активного интереса к жизни простого народа в связи с активизацией формирования народного самосознания, выливавшегося несколько раз в трагические события народных восстаний. Польские и белорусские этнографы, а среди них выделялись, в первую очередь, И. Лелевел,

А. Киркор, Я. Чечот, Я. Карлович, Б. Грабовский, видели свою цель в изучении особенностей народных говоров, поскольку именно в этом – в языке – видели они основные признаки, характеризующие население той или иной территории как самостоятельный этно. Этнографические исследования территории Беларуси включали собрание народных преданий, легенд, пословиц и поговорок, песен, описания народного быта и уклада жизни. В ряду исследователей народной культуры и языка далеко не последнее место занимает и собирательская деятельность Э. Ожешко. С огромным интересом и старанием она собирала и записывала народные названия растений, в первую очередь, лекарственных трав. Записи Э. Ожешко перерастают в своеобразный словарь, включающий около 300 различных народных названий местных растений.

Сегодня эти записи чрезвычайно интересны языковеду – исследователю истории языка. Во-первых, они демонстрируют историю формирования важной и распространенной группы лексики, во-вторых – показывают особенности словообразования и формообразования изучаемых лексем, и в-третьих, изучаемая в сопоставительном плане на фоне других языков, эта группа лексики дает возможность судить о наличии-отсутствии общей логики наименований и внутренней формы номинаций.

Некоторые исследователи словника Э. Ожешко указывают на определенную лингвистическую ограниченность приводимых номинаций, упрекая составительницу в том, что она приводит только одно значение слова, игнорируя другие значения [1, 221]. Но цель Э. Ожешко иная. Ей (и нам сегодня с ее помощью) важно и интересно увидеть в названии растения (травы, цветка) человека, который так его назвал, закладывая в это название свой жизненный опыт и опыт своих предков.

Обратимся к некоторым примерам из записей Э. Ожешко, дополнив их с целью сопоставительного наблюдения соответствующими номинативными эквивалентами из белорусского, русского и польского языков.

Широкому кругу читателей, как и специалистам, достаточно нелегко ориентироваться в записях Э. Ожешко, поскольку они отражают диалектные формы, бытовавшие на сравнительно небольшой территории и часто неизвестные на других территориях. И подбор соответствующих номинативных эквивалентов в других языках далеко не всегда очевиден. Иногда возможны ситуации, когда лексически одно и то же название в разных диалектах на самом деле относится к разным растениям. Поэтому для объективизации результатов наблюдений исходим из общих латинских форм названий, тщательно и профессионально подобранных собирательницей для каждого названия и сверенных нами с данными «Определителя растений Белоруссии» [3].

Kluczyki (букв. ‘ключики’) – *Primula officinalis*. Совр. бел. першацвет, русск. *первоцвет лекарственный*, болг. *примула*. польск. *Pierwiosnka (kluczyki)*.

Swiokla – *Lithospermum arvense*. Совр. белор. *вєрабєйнік (палявая ніца)*, русск. *воробейник*, польск. *ławrół polny*. Ср. в совр. русск. *свёкла*, которое к данному виду отношения не имеет

Konski malaczaj – *Hieracium* – Совр. белор. *ястрабок*, русск. *ястребинка*, сербск. *јастреб*. польск. *jastrzębiec*.

Turecki piarec (букв. ‘турецкий перец’) – *Carex vesicaria*. Совр. белор. *асака*, ру *осока*, болг. *острица*, польск. *turzyca pecherzowata* (букв. ‘осока мочевого пузыря’, что, вероятно, связано с лечебными свойствами растения).

Sardesznik (бук. ‘сердечник’) – *Polygola vulgaris*. Судя по названию, это растение применяется при сердечных заболеваниях. Однако в качестве польского эквивалента собирательница приводит номинацию *krzyżownica pospolita*. Однако русск. соответствие польскому *krzyżownica* – *лягушка*, что, в свою очередь, не соответствует латинскому термину. Совр. русск. соответствие *истод* (в говорах *лисохвост*), совр. белор. *кранінец* (в говорах – *лісіны хвост, лісахвост*), в болг. *обикновена лисича*.

Żywotaparuszniac (букв. ‘порушитель живота’). Другое название **psia miata** (букв. ‘собачья мята’) – *Veronica chamaedris*. Совр. белор. *крынiчник (веранiка)*, русск. *вероника*, болг. *вероника*, польск. *przetacznik ląkowy*.

Swirepka – *Raphanus raphanisticum*. В совр. белор. *свiрэпiца*, чаще известная как *рэпа звычайная*. Однако форму *свiрэпка* и до сегодняшнего дня можно встретить даже в центральных и восточных регионах Беларуси. В совр. русск. *сурепица (репа обыкновенная)*, в болг. *обикновена репа*, в польск. *rzepica pospolita*.

Paruszenik (или **pfruszeniec?**)-**macicznik** (букв. ‘расслабитель утробный’) – *Comarum palustre*. В совр. белор. *шабельник* (в говорах – *валасы лугавыя, сямiгарэлка*). Русск. *сабельник болотный*, болг. *блатна сабя*, польск. *siedmipalecznik blotny* (букв. ‘семипалецник болотный’).

Sonczyki – *Geum rivale*. Совр. белор. *панiкнiца* (в говорах – *лялечны кулон*), в русск. *гравилат (кукольный кулон)*, в польск. *kuklik zwisly*.

Żywotnik – *Helianthemun vulgare*. В совр. белор. *сонцацвет*, русск. *солнцецвет*. Сравним также с латинским *Helianthem* – ‘подсолнух’. Э. Ожешко считает, что польским эквивалентом этого названия является *postonek pospolity*, что соответствует белор. *ежа звычайная*, русск. *обычная еда*, болг. *общо хранене*. Это же и в английском – *common teal*. Однако в современном польском языке есть и слово *żywotnik*, что соответствует русскому *туя*.

Rycytnik – *Sedum acre*. Совр. белор. *расходник*, русск. *очиток едкий*, болг. *тлъстига*, совр. польск. *rozchodnik*.

Bobek – *Menyanthes trifoliata*. Совр. белор. *бабок*, русск. *вахта (трифоль)*, польск. *bobrek trójlistny*.

Sabacze mylo (букв. ‘собачье мыло’) – *Herniaria glabra*. При растирании листьев этого растения выделяется пена, похожая на мыло, отсюда, указывает собирательница, и название. Совр. белор. *гладун*, русск. *грыжник* (в названии зафиксировано лечебное свойство растения), польск. *połoniczek gładki*.

Dziarozka – *Stellaria graminea*. Совр. белор. *дзераза* (в говорах *зоркаўка*), русск. *плаун* (в говорах *звездчатка*), польск. *widłak* (или *gwiazdownica*). Э. Ожешко считает, что два последних польских названия обозначают похожие, но разные растения.

Kamięta biała (kaszka у шляхты) – *Galium boreale*. Совр. белор. *маруна* или *повiлiца*, русск. *подмаренник*, польск. *przytulja rólnosna*. Сравним в современных народных говорах широко известна *кашка – ‘клевер’*.

Uraźnik (или **zahartuszka**) – *Orchis latifolia*. Совр. белор. *ятрышник*, русск. *ятрышник широколистный*. польск. *storczyk szerokolistny*. Название растения связывают с тем, что оно обладает сильной таинственной силой, способной *urazic* (поразить) человека, его корень выглядит необычно и похож на пять согнутых пальцев человеческой ладони.

Ajer – *Iris pseudacorus*. Совр. белор. *касач* (расположение его цветов похоже на косы). Однако практически на всей территории Беларуси встречается и сегодня название *аер*. Русск. *ирис* (закрепилась латинская форма), но в говорах, как отмечается и в словаре, В. Даля, чаще встречается другое название – *татарник*. В польск. *kosaciec żółty*, потому что цветет желтыми цветами. Народное название *ajer* могло закрепиться ввиду наличия в корневище эфирных масел, которые и сегодня используются в фармакологии и парфюмерии.

Koniki (у шляхты, у крестьян **Hramotnik**) – *Trifolium alpestre*. Совр. белор. *канюшына*, русск. *клевер*, польск. *koniczyna lesna*. «*Koniki* – одно из наиболее употребляемых крестьянами растений при болях в желудке и в груди», – замечает, Э. Ожешко.

Достаточно обширную группу народных белорусских названий растений составляют названия, образованных с использованием исходного слова *заяц*.

Zajczyki – *Gnaphalium divicum*. Совр. белор. *сушаніца*, русск. *сушеница*, польск. *szarota, kochanki dwudomowe* (букв. ‘любовники двудомные’).

Zajaczy son – *Pulsatilla pratensis*. Совр. белор. *сон*, русск. *прострел*, польск. *sasanka zwista*.

Zajaczy ajer – *Iris sibirika*. Совр. белор. *вясёлка (касач)*, русск. *ирис, радуга сибирская*, польск. *Kosaciec sybirski*.

Zajaczy asot – *Carlina vulgaris*. Совр. белор. *урочнік*, русск. *колючник* (вероятно, по форме листьев, которые имеют колюче-зубчатую форму), польск. *dziewięcsil pospolity*.

Zajaczy mak bielyj – *Anemone sylwestris*. Совр. белор. *ветрагонка*, русск. *ветреница*, польск. *zawilec lesny* (‘лесной анемон’), болг. *съсънка* (‘букв. кошмар’).

Zajacze uszko – *Polygonatum anceps*. Совр. белор. *купена*, русск. *купена*, польск. *kokoryczka własciwa* (‘хохлатка’), болг. *Соломон печат* (Соломонова печать).

Приведенные здесь примеры из записей Э. Ожешко в сопоставлении с современными формами и вариантами названий этих растений дают нам возможность размышлять не только о собственно названиях растений, но и говорить об особенностях языка информантов собирательницы. И здесь обращает на себя внимание интересный факт: записанные польской писательницей близким ей латинским письмом слова и словосочетания совершенно специфичные, не свойственные польскому языку как по форме, так и по отраженным в них фонетическим особенностям. Например, *piarec* (в польск. *pieprz*), *zajczyki* (в польск. *zajaczki*), *kluczyki* (в польск. *klucze*), *mylo* (в польск. *mydło*), *son* (в польск. *sen*), *bielyj* (в польск. *biały*), *zahartuszka*, *hramotnik* (здесь *h* указывает на наличие [г]-фрикативного, в польском – [g]).

В настоящее время не существуют словари, в которых бы последовательно и полно приведены были общепринятые эквиваленты к существующим, а тем более записанным в прошлом, диалектным названиям растений. Отсутствие таких справочников может приводить к недоразумениям в межъязыковых контактах. Например, Э. Ожешко приводит название одного из лечебных растений, широко известное на исследуемой ею территории, – *Konski malaczaj*. Приводится и его латинское название – *Nieracium*, и польский ботанический эквивалент – *jastrzębiec*. Однако ни один из переводных словарей не дает нам варианта названия этого растения в других славянских языках, в том числе и в русском и белорусском. Электронные версии переводных словарей подаются в большинстве случаев лишь латинский вариант. И только через «Определитель растений», да и то в отдельных случаях, сегодня уже можно установить, о каких растениях идет речь в словнике Э. Ожешко. Да и то при условии правильности приведения латинской формы. Это существенный пробел в современном сопоставительном славянском языкознании. Его восполнение поможет значительно расширить наши знания о истории формирования народных номинаций растений, имевших непосредственное влияние на жизнь человека.

Литература

1. Burzyńska, A. B. Ziolo – trawa – łąka. Kilka uwag w świetle faktów z języka i kultury / A. B. Burzyńska, J. Kamieniecki // Świat roślin w języku i kulturze / Pod red. A. Dąbrowskiej i, I. Kamińskiej-Szmaj. – Wrocław, 2001. – 281 s.
2. Kielak, Anna Maria. O kresowym zielniku Elizy Orzeszkowej / Anna Maria Kielak [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/city_district/data_people/dzieiachy_mastactwau/azhieshka/O_kresowym_zielniku_Elizy_Orzeszkowej.html. – Дата доступа: 12.01.2020.
3. Определитель растений Белоруссии / Под общ. ред. чл. -корр АН СССР Б. К. Шишкина, акад. АН БССР М. Н. Томина и докт. биолог. н. М. Н. Гончарика. – Минск, 1967. – 872 с.
4. Orzeszkowa, E. Ludzie i kwiaty nad Niemnem / E. Orzeszkowa // Wisla. T. II. – 1888. – S. 75–703.

L. M. Vardomatskiy
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: vard_L@tut.by

Folk names of Plants of Belarus in the Records of E. Ozhesko

Key words: folk dialects, plant names, nominative equivalents, logic of names, comparative analysis.

The article reveals the peculiarities of the popular names of medicinal plants recorded by the famous Polish writer E. Ozeszko in the western regions of the modern territory of Belarus. The nominative equivalents of these plants in the Belarusian, Russian and Polish languages are given. As a result of the analysis, a conclusion is drawn about the possible logical grounds for the emergence of popular names and the reflection in them the features of the Belarusian language.

А. Ю. Гилевская
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)
e-mail: a_gilewska@rambler.ru

УДК 321.161.1-1:811.161.1(470+571)

Родная речь и родной край в поэзии Ирины Аргутиной

Ключевые слова: родной язык, родной край, цитата, номен, культурная память.

В статье рассматриваются особенности обращения к родному слову и родному русскому языку современного поэта Ирины Аргутиной, живущей в г. Челябинске. В её творчестве родное слово служит в первую очередь маркером культурного кода, обращением к общей с читателем памяти, всегда тесно связанной с родным краем.

Ирина Марковна Аргутина (род. 1963) – российский поэт, член Союза писателей России, член редколлегии международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель», автор восьми поэтических книг. Живёт в г. Челябинске [4].

В творчестве Ирины Аргутиной родной язык – в тесной связи с родным краем и культурной памятью – занимает одно из ведущих мест. Несмотря на то, что непосредственно образ родной речи и / или русского языка встречается только в двух стихотворениях автора, мотивы слова как такового и слова, тесно связанного и порою даже вдохновлённого родными местами, очень часто возникает в её поэзии.

Рассмотрим два стихотворения, в которых непосредственно встречаются апелляции к русской речи. Небольшое безымянное стихотворение завершается фразой «Ты всё ещё слегка говоришь по-русски?». Стихотворение сложно для понимания, многогранно и аллегорично, но, так или иначе, сохранение способности к речи, к говорению по-русски однозначно является в нём для лирического героя маркером сохранения себя:

*Не то беда,
что вылупился отсюда,
а то, что к благу не привести и силой.
Позаносило
русла больных сосудов
песком и илом.*